
КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Арцыбашева Т.Н.

ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОГО ХРИСТИАНСТВА*

Artsybasheva T.N.

Church-state specificity of Russian Christianity

Автор прослеживает эволюцию взаимоотношений церкви и государства, начиная с принятия христианства на Руси.

До момента официального признания христианство оставалось свободным выбором каждого, что делало его распространение спонтанным и неравномерным. Утверждение православной церкви волею киевского князя открыло государственный этап христианизации, с «апостольскими функциями» власти. «Христианство способствовало достижению поставленной цели не только монотеизмом, но всеобщностью своих представлений, способностью объединить людей в неограниченном масштабе независимо от их принадлежности к той или иной локальной общности. Тенденция к максимальному слиянию церкви с государством содействовала формированию культуры» (с. 402).

---

* *Арцыбашева Т.Н.* Церковно-государственная специфика русского христианства // Мир культуры и культурологии: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017–2018. – Вып. 6. – С. 400–407.

Заимствованная Русью политическая и правовая традиция Греческой церкви в условия неразвитости государственности и духовного приоритета позволили новорожденной Русской церкви в течение нескольких десятилетий встать в ряд местных феодалов и проявиться в качестве публичной власти, взявшей на себя некоторые государственные и общественные функции. И нет ничего удивительного в том, что именно Церковь оказалась тем институтом, что как каркасом скрепил распавшийся социум Русской земли, и общностью обряда, и кровью связанной с властью иерархической системой организации, и правом сакрализованной законодательной инициативы.

Привнесенное византийское каноническое право стало основой регламентации жизни духовенства и церковных людей. Но для регулирования повседневной жизни мирян у нее не было иного способа, как предложить систему взаимных обязанностей и обязательств, базирующихся не на правосознании, а на осознании греха.

Культурная среда, привыкшая в обыденной жизни обходиться собственным многовековым опытом, не испытывала потребности в теоретической мудрости, потому новорелигиозное мировоззрение формировалось на ином, чем на Западе, практическом уровне. С одной стороны, это стало причиной того, что Русь не слилась с остальным христианским миром, с другой – породило национальное самосознание, преодолевшее межплеменную рознь, и новые социальные и духовно-политические институты, прежде небывалые: крестьянскую общину и ту Русь, что назовется Святой.

Окончательное созревание национально-политической идеи было спровоцировано крушением Византии. Будучи всего лишь одной, пусть и огромной митрополией константинопольского патриархата, Русская церковь с падением Царьграда (1453), оказалась вдруг самой крупной и самой экономически и политически сильной из всех православных Церквей, вынужденной и способной противостоять инаковерию. Конфессиональное, национальное и государственное пространства замкнулись пределами Святой Руси, столица которой внезапно стала Центром и последним оплотом православного мира, а ее самодержавный царь – единственным его охранителем.

В условиях укрепления государства и усиления самодержавия идея православного царства естественно вырождалась в апологию правящей династии. Но еще большую роль сыграло провозглашение

Москвы «Третьим Римом», породившее взгляд на Москву как на центр и средоточие истинного христианства.

Утвердившееся представление о Москве как средоточии и оплоте истинной веры стало основой имперской политики и абсолютным оправданием территориальных притязаний. В свете этих представлений включение в государство новых земель означало расширение пределов Православного мира и увеличение численности православного народа. Религиозная и государственная парадигмы слились: государственная мощь империи связывалась с могуществом православия, тогда как сила православия подтверждалась государственным могуществом, происходила сакрализация государства и власти. Русское переставало быть этнической характеристикой: все, что служит процветанию православного государства, является русским. Не русские – православный народ, а весь православный народ – русские, по имени Православного государства. Параллельно развитию «божественности» царской власти практически выстраивалась иерархическая структура строгого надзора над общественной и личной жизнью населения.

Правительство вкупе с Церковью породило систему многочисленных служебных, нравственных и иных запретов и ограничений, касающихся, в первую очередь, сословного быта, обязательных для исполнения распоряжений и рекомендаций, а также достаточно жестких наказаний. В совокупности они, с одной стороны, удерживали культурную однородность, с другой – способствовали выстраиванию твердой иерархической системы. Характерное для Восточной Европы «вторичное закрепощение» к концу XVI в. распространилось и на крестьян, и на служивое сословие, обнаружив патриархальное стремление все связи в обществе свести к вертикали зависимости каждого подданного от первого лица.

Э. Ж.